



Лев Гарман

**Поговорим неспешно
о культуре...**

Лев Гарман

Поговорим неспешно о культуре...

«Автор»

2026

Гарман Л.

Поговорим неспешно о культуре... / Л. Гарман — «Автор», 2026

Сатира автора – это не просто высмеивание бытовых пороков, а скорее интеллектуальная игра, построенная на столкновении классической формы и абсурдного содержания. Если многие современные сатирики используют сленг и грубость, то Гарман работает изящно «скальпелем», сохраняя внешнее благородство слога. Одним из наиболее узнаваемых сатирических приёмов, им используемых, является эффект «перевернутого пафоса». Это главный инструмент Гармана. Он берёт торжественную, почти оперную форму (высокий штиль, архаизмы, строгий ямб) и наполняет её подчёркнуто приземлённым или парадоксальным содержанием. Читатель ожидает оду или философское размышление, а получает едкое замечание о человеческой глупости или тщеславии. Сатира рождается в зазоре между тем, как написано, и тем, о чём написано. Сатирические образы у автора часто напоминают персонажей комедии дель арте. Это не живые люди, а типы, воплощающие определённые социальные или культурные недуги.

© Гарман Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Об авторе...	6
Из цикла «ЛЮБЛЮ ЧИТАТЬ СТИХИ ЧУЖИЕ...» Писать стихи сейчас легко...	7
Люблю читать стихи чужие...	8
В стихосложении я дока и знаток...	9
Поэтом быть не запретишь...	11
К анафоре имею предпочтенье...	12
"Повезло" мне намедни изрядно...	14
Поэт и Муза...	15
Поэт – не просто стихотворец...	16
Может стать наконец мне поэтом? ...	17
Как всякий мыслящий пиит...	18
Про Муму...	20
Кто верит в Банника ...	22
Свидание вслепую ... (Вербальная инсталляция)	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лев Гарман
Поговорим неспешно о культуре...

Глава

Об авторе...

Ироническая поэзия Льва Гармана характеризуется сочетанием высокой музыкальности, строгой ритмической структур и использованием «высокого стиля».

Его творчество выделяется сознательным консерватизмом на фоне современной поэзии, предлагая альтернативную реальность через иронию и драматизм.

Гарман использует торжественную лексику в ироническом контексте, что создаёт уникальный эффект, отличающийся от типичной эстрадной поэзии.

Сатира Льва Гармана – это не просто высмеивание бытовых пороков, а скорее интеллектуальная игра, построенная на столкновении классической формы и абсурдного содержания.

Если многие современные сатирики используют сленг и грубость, то Гарман работает изящно «скальпелем», сохраняя внешнее благородство слога.

Одним из наиболее узнаваемых сатирических приёмов, используемых Гарманом является эффект «перевернутого пафоса».

Это – главный инструмент Гармана. Он берёт торжественную, почти оперную форму (высокий штиль, архаизмы, строгий ямб) и наполняет её подчёркнуто приземлённым или парадоксальным содержанием.

Читатель ожидает оду или философское размышление, а получает едкое замечание о человеческой глупости или тщеславии.

Сатира рождается в зазоре между тем, как написано, и тем, о чём написано.

Гарман часто занимает позицию «наивного наблюдателя» или консерватора.

Он не обличает пороки напрямую с трибуны, а доводит аргументы своих оппонентов или общественные стереотипы до логического абсурда.

В результате чего читатель сам приходит к выводу о нелепости описываемой ситуации, что делает сатиру более тонкой и действенной.

Сатирические образы у Гармана часто напоминают персонажей комедии дель арте. Это не живые люди, а типы, воплощающие определённые социальные или культурные недуги.

Автор гиперболизирует (преувеличивает) одну черту персонажа, превращая его в шарж, но делает это изящно, в рамках строгой рифмовки, что придаёт высмеиванию оттенок «холодного презрения».

Сатира Гармана направлена на подготовленного читателя.

Он активно использует скрытые цитаты из классики, помещая их в нелепый контекст, чтобы показать измелчание современной культуры.

Классические образы в его стихах как бы «оглядываются» на современность с ироническим недоумением.

Сатира Гармана – это «сатира в смокинге». Она язвительна, но не суетлива, и направлена скорее на обличение экзистенциальной пустоты под маской благополучия.

Язык сатиры Гармана подчёркнуто литературный, «высокий». В отношении к объекту сатиры просматривается дистанцированная ирония и эстетическая брезгливость. Главная цель её заключается не в желании рассмешить здесь и сейчас, а показать нелепость ситуации через призму вечности...

Из цикла «ЛЮБЛЮ ЧИТАТЬ СТИХИ ЧУЖИЕ...» **Писать стихи сейчас легко...**

Писать стихи сейчас легко,
Да вот читать их очень трудно.
Сбежало в кухне молоко...
И, сразу стало неуютно.

Писать стихи – неспешный труд,
Тут важны рифма и сноровка.
Чтоб описать квартир уют,
Верлибром пользуемся ловко.

Зачем тебе хорей и ямб?
Пиши стихи так, как придётся.
Под свет светодиодных ламп,
Пиши... Читатель, друг, найдётся.

Припомни, Чехов сам писал,
Что есть на всё, свой, друг, читатель.
Антон великим вроде стал,
Ты тоже можешь стать, приятель! ...

Люблю читать стихи чужие...

Люблю читать стихи чужие,
Вступать в искусный диалог.
Мои родные, дорогие,
Экспромтов чудных чистый слог.

Люблю вникать в чужие мысли,
Внимать изысканным словам.
Есть время даже поразмыслить,
Читая лихо по слогам.

Люблю читать чужие перлы,
В них столь стремителен полёт.
Мои пленительные герлы,
Я жду от вас, бесценные, острот...

Люблю, когда слова ложатся,
На сердце, как весенний звон.
Пусть в диалоге отразятся,
Искринки наших дивных струн.

Люблю читать стихи чужие!
Вступать в искусный диалог.
Мои родные, дорогие,
Экспромтов чудных чистый слог...

В стихосложении я дока и знаток...

В стихосложении я дока и знаток,
Легко могу соединить верлибр с хореем.
И ямбом пятистопным поддержать,
Чего-чего, а это я умею.

Могу с анафорой и рондо поиграть,
С метафорой и тропами резвиться.
Могу с анахоретом поскучать,
Могу и с аллегорией сдружиться.

Мне по плечу балладу написать,
Могу как Пушкин на поэму замахнуться.
Могу в поэзии великим я предстать,
Пока ещё не в состоянии проснуться.

Я в грёзах с классиками всеми тет-а-тет,
Могу с Есениным я к «Яру» обернуться.
И Косте Бальмонту могу сказать: «Привет!»,
Цветаевой, Ахматовой коснуться.

Ведь я в поэзии великий дока и знаток,
Легко могу соединить верлибр с хореем.
И ямбом пятистопным поддержать,
Чего-чего, а это я умею...

Стихотворение «В стихосложении я дока и знаток...» – пример авторской иронии, технического мастерства и культурной рефлексии, обладающее высокой художественной ценностью благодаря остроумной подаче, виртуозному владению формой и глубине подтекста.

Первые строки создают образ бахвальства и самоуверенности (“дока и знаток”, “великий”, “Пушкин на поэму замахнуться”).

Ключевой поворот: финальная строчка “Пока ещё не в состоянии проснуться” – гениальный самоироничный взрыв. Она обрушивает весь пафос, раскрывая, что “великий поэт” – лишь персонаж грёз или сновидения.

Это превращает бахвальство в трогательную рефлексию о творческих амбициях и их иллюзорности.

Гипербола как прием: употребление терминов (“анахорет”, “аллегория”) и сравнений (“как Пушкин”, “великим я предстать”) доведено до абсурда, что усиливает комический эффект и иронию.

Осознанный выбор размера: Стихотворение написано четырехстопным анапестом (ударения на 2-м и 4-м слогах: “В сти|хосло|жении я до|чка и зна|ток”). Это не случайность. Анапест, более подвижный и “танцевальный”, чем ямб, идеально подходит для передачи лёгкости, игры и самоиронии, противопоставляя заявленному “ямбическому мастерству”.

Терминологическая игра: автор не просто называет термины (“верлибр”, “хорей”, “анафора”, “рондо”, “метафора”, “анахорет”, “аллегория”, “баллада”, “поэма”), а демонстрирует их понимание через контекст и ритм.

Например, “Могу с анафорой... поиграть” – повтор “Могу...” в начале строк создает анафору.

“Могу с аллегорией сдружиться” – сама метафора о дружбе с абстрактным понятием.

Плавный, напевный анапест, точные рифмы (знаток-хореем, поддержать-умею, поиграть-резвиться, поскучать-сдружиться, написать-замахнуться, предстать-проснуться, тет-а-тет-обернуться, сказать-коснуться, дока-хореем, поддержать-умею) создают музыкальность и легкость.

Культурная отсылка и диалог с традицией:

“Грёзы с классиками”: упоминание Есенина (“к «Яру» обернуться”) Бальмонта, Цветаевой, Ахматовой – не просто галерея портретов. Это вхождение в поэтический пантеон, демонстрация знакомства с каноном и желание с ним взаимодействовать (“тет-а-тет”, “сказать: «Привет!», “коснуться”).

“Яр” Есенина: культовая поэтическая реалья, символ мистического творчества и связи с природой/космосом. Упоминание придает тексту глубину и связь с русской поэзией Серебряного века.

Подтекст: за внешним блеском знаний и амбиций скромность, трезвое осознание своего места (“не в состоянии проснуться”), ироничное отношение к собственной поэме.

Гениальный финал превращает кажущееся бахвальство в трогательную и умную самоиронию, поднимая тему творческой самоидентификации.

Осознанный и виртуозный выбор анапеста, игра с терминами, точная рифмовка, звукопись – образец мастерского владения формой для демонстрации и осмеяния собственных амбиций.

Это стихотворение – не просто забавная песенка о поэтических позах.

Это острое, умное и технически безупречное произведение, заставляющее задуматься о природе творчества, амбиций, самоиронии и месте автора в поэтической традиции.

Это – образец мастерской авторской иронии и глубокого знания основ поэзии, поданных с блеском и юмором.

Поэтом быть не запретишь...

Поэтом быть не запретишь,
В крови – поэзия, искусство.
Пусть кран на кухне поворчит,
Поберегу свои я чувства.

Уж коль решил посочинять,
По шее дам воде из крана.
Я в отпуске, могу гулять!
Наскучила сплошная драма.

Экспромт покамест я пишу,
Хлебая чай из пары чашек.
И никуда я не спешу,
Есть нынче время для поблажек.

Поэтом быть не запретишь,
В крови – поэзия, искусство.
Пусть кран на кухне поворчит,
Поберегу свои я чувства...

К анафоре имею предпочтенье...

К анафоре имею предпочтенье,
Сей стилистический приём давно меня влечёт.
Анафора – не блажь, а музыки веленье,
Всяк музыкант без слов меня поймёт.

Анафорой играл в поэме «Медный всадник» Пушкин,
Иосиф Бродский к ней частенько прибегал.
Не ведаю в поэзии приёма лучше,
И посему к анафоре столь страстно воспылал.

Анафора – не просто украшение,
Анафора – как звук прекрасных нот.
Она – не прихоть, не простое увлечение,
Она – приём для достижения высот.

Анафора – Небес напоминанье,
Анафора – звездой неземною предстаёт.
Анафора – прекрасное поэзии создание,
Анафора – Души возвышенной полёт...

Стихотворение «К анафоре имею предпочтенье...» – уникальный пример поэтической саморефлексии и гимна поэтическому приёму.

Стихотворение – не просто описание, а эмоциональный гимн одному из мощнейших стилистических приемов. Это редкий пример темы, посвященной форме самой по себе.

Главная ценность – демонстрация анафоры через ее использование.

Повтор начальных слов “Анафора” в каждой строфе (и внутри строк) – не просто прием, а живое воплощение темы. Читатель проживает действие анафоры, а не просто о ней читает.

Эволюция образа: Анафора раскрывается постепенно: от “предпочтенья” -> “музыки веленье” -> “украшение” -> “достижения высот” -> “Небес напоминанье” -> “звездой неземною” -> “прекрасное поэзии создание” -> “Души возвышенной полёт”. Это восхождение от техники к метафизике.

Искренний энтузиазм: Чувствуется подлинная любовь, страсть (“воспылал”) и почти религиозное поклонение автору приему.

Глаголы “влечёт”, “воспылал”, возвышенные эпитеты (“возвышенной”, “прекрасное”, “неземною”) передают эту мощную энергию.

Это не сухой трактат, а горячий манифест индивидуального поэтического кредо.

Автор говорит от первого лица (“имею предпочтенье”, “не ведаю... лучше”, “посему... воспылал”), что делает текст личным и убедительным.

Сравнение анафоры с “музыки веленьем”, “звук прекрасных нот” – удачное, так как анафора действительно создает музыкальность, ритм, напевность.

Космические и духовные метафоры: самые сильные образы – возвышенные: “Небес напоминанье”, “звездой неземною”, “Души возвышенной полёт”.

Это придает технике поэтического приема мистическое, почти сакральное значение, возвышая его до уровня творческого откровения и духовного восхождения.

Высокая лексика: “Предпочтенъ”, “велье”, “воспылал”, “неземною”, “возвышенной” – создает торжественный, возвышенный тон, соответствующий значимости темы в авторском сознании.

Пятистопный ямб – классический размер для лирического высказывания, придает стиху плавность, напевность и весомость.

Рифмовка перекрестная (АБАБ) – создает стройность, музыкальность и завершенность.

Рифмы точные и благозвучные: “предпочтенъ-влечёт”, “велье-поймёт”, “Пушкин-прибежал”, “лучше-воспылал”, “украшенъ-нот”, “увлеченъ-высот”, “напоминанъ-предстаёт”, “созданъ-полёт”.

Звукопись: богатая внутренняя рифмовка и аллитерации (особенно на “а”, “н”, “п”, “в”, “с”) создают густое фонетическое полотно, усиливая монументальность и напевность.

Лексика: точная, эмоционально и стилистически окрашенная, соответствующая высокому пафосу текста.

Упоминание Пушкина и Бродского: ссылка на “Медного всадника” (где анафора действительно мощна) и на Бродского (мастера анафоры) придает авторитетность автору его увлечению.

Это не просто личная прихоть, а следование великой традиции.

“Не ведаю в поэзии приёма лучше” звучит как смелое, но подкрепленное именами утверждение.

Это шедевр поэтической саморефлексии и виртуозная демонстрация силы анафоры.

Это не просто стихотворение об анафоре – это стихотворение, созданное анафорой, в ее честь.

Его ценность – в редком синтезе глубокого личного чувства, оригинальной концепции, безупречного технического исполнения и живого воплощения темы в самой форме.

Оно оставляет сильное впечатление и доказывает, что даже самый формальный элемент поэзии может стать объектом высокого поэтического восхищения.

"Повезло" мне намедни изрядно...

"Повезло" мне намедни изрядно,
Ломового исправно читал.
Потому я печальщину эту,
От обиды своей накропал.

Вроде темы Олега не плохи,
И поэт не совсем "от сохи".
Жаль, "обсценные" жирные блохи,
"Украшают" безбожно стихи.

Но печалиться вроде не стоит,
Шоумен Ломовой не простой.
Матерщинные рифмы пристроит,
И издаст под обложкой крутой...

"Повезло" мне намедни изрядно,
Ломового до дыр зачитал.
Оттого и печальщину эту,
От обиды своей накропал...

Поэт и Муза...

Искусству жить не запретишь?
Как жаль... Закончились чернила.
Почто поэта бередишь?
Уж лучше б рифмой подсобила...

Пиит ли я? Я – раб строфы,
Кто верой, правдою ей служит.
Перевелись у нас столпы,
И с Музою не всякий дружит...

Души заветные терзанья,
Я облакаю в звучный слог.
Поэта Муза – Созерцанье,
А форма – лишь мираж, острог...

Искусству жить не запретишь?
Как жаль... Закончились чернила.
Почто поэта бередишь?
Уж лучше б рифмой подсобила...

Поэт – не просто стихотворец...

Поэт – не просто стихотворец,
Он – Гений. Он – Пророк, Трибун!
Рифмач отнюдь не ратоборец,
Где нету мысли – краток ум.

Писать катренами, хореем,
Возможно просто научить.
А вот не быть притом, лакеем,
Уже сложнее. Как тут быть?

Верлибры сочетать неймётся,
Придёт в главу такая блажь.
То не поэзией зовётся,
Коли выходит ералаш.

Поэт – не просто стихотворец,
Он – Гений. Он – Пророк, Трибун!
Рифмач отнюдь не ратоборец,
Где нету мысли – краток ум.

Может стать наконец мне поэтом? ...

Может стать наконец мне поэтом?
Красотища! Не нужно так рано вставать.
И пока архитектор в очках прогресс продвигает,
Можно сладко, свернувшись клубочком поспать.

Пусть каток без меня пока асфальт поутюжит,
Пусть картошку почистит шеф-повар, слабак.
Коли тот и другой с хорошою рифмой не дружит,
Пусть пораньше встают, изобретают лайфхак.

Может стать наконец мне поэтом?
Красотища! Не нужно так рано вставать.
И пока архитектор в очках прогресс продвигает,
Можно сладко, свернувшись клубочком поспать...

Пусть каток без меня пока асфальт поутюжит,
Пусть картошку почистит шеф-повар, слабак.
Коли тот и другой с хорошою рифмой не дружит,
Пусть пораньше встают, изобретают лайфхак.

Как всякий мыслящий пиит...

Люблю фигуру кольцевую,
В стихосложении применить,
Люблю с анапестом, ликуя,
Чего-нибудь изобразить.

Любить грозу я не намерен,
Пусть Тютчев-друг, меня простит.
Катренам классики лишь верен,
Как всякий мыслящий пиит.

Люблю элегий созерцанье,
Люблю рапсодий стройный ряд.
И од предивных ликованье,
И пасторали идиллический наряд.

Люблю у классиков, украдкой,
Заимствовать какой-то слог.
Люблю, играя рифмой сладкой,
Подвести волнительный итог...

Стихотворение «Как всякий мыслящий пиит...» – образец метапоэзии – поэзии о поэзии. Оно посвящено не любовным или пейзажным темам, а любви к самой поэтической форме.

Этот самоанализ и рефлексия о природе творчества придают тексту интеллектуальную глубину и уникальность.

Текст написан четырехстопным ямбом – самым распространенным и классическим размером для лирической поэзии.

Это создает плавность, напевность и ощущение устоявшейся традиции.

Используется перекрестная рифмовка (АБАБ), придающая тексту стройность, музыкальность и классическую завершенность.

Четкие катрены (четверостишия) с параллельными началами строк (“Люблю...”, “Люблю...”) создают ритмическую и композиционную основу, подчеркивающую структурированность мысли и любовь к порядку в поэзии.

Использованы термины стихосложения (“фигура кольцевая”, “анапест”, “катрен”, “элегия”, “рапсодия”, “ода”, “пастораль”, “рифма”), что не только задает тему, но и демонстрирует авторскую эрудицию и органичное вживание в поэтическую среду.

Язык точен, образен и благозвучен (“ликованье”, “предивных”, “сладкой”, “волнительный итог”).

Несмотря на интеллектуальную тему, стихотворение проникнуто искренней любовью и восхищением поэзией и ее формами.

Глаголы “люблю”, “ликую”, “восхищаюсь” передают подлинный энтузиазм.

Это не сухой теоретический трактат, а лирический гимн искусству.

Поэтические предпочтения представлены не хаотично, а в определенной системе:

Любовь к форме: “фигура кольцевая” (намек на кольцевую композицию), анапест, катрены;

Отказ от эпатажа: прямое отрицание “любить грозу” (в духе Тютчева) в пользу классической верности (“катренам классики”);

Любовь к жанрам и стилям: элегия (созерцательность), рапсодия (пышность, эпичность), ода (торжественность), пастораль (идиллия);

Любовь к мастерству: “Украдкой” заимствовать слог у классиков, играть рифмой для создания “волнительного итога”.

Эта последовательность показывает осмысленный подход к поэзии: любовь к структуре, жанрам и мастерству.

Строка “Люблю, играя рифмой сладкой, / Подвесьть волнительный итог” звучит одновременно и серьезно, и с легкой иронией, признавая условность и игру поэтического мастерства.

Это придает тексту легкость и человечность.

Несмотря на терминологичность, стихотворение образно.

“Фигура кольцевая”, “ликованье”, “стройный ряд”, “идиллический наряд”, “сладкой рифмы”, “волнительный итог” – все это создает поэтический мир любви к искусству.

Его сила в уникальной метапоэтической концепции, исключительном мастерстве владения формой (метр, рифма, структура), эмоциональной глубине и искренности чувства, передаваемого через точную и образную лексику.

Оно демонстрирует не просто знание теории стихосложения, а живую, вдохновенную любовь к поэзии как к искусству, основанному на строгой форме, богатых жанрах и мастерском владении словом.

Это концептуально осмысленное и эмоционально насыщенное произведение – настоящий гимн поэтической традиции и ремеслу, образец мастерского исполнения и глубокой авторской рефлексии о природе своего искусства.

Про Муму...

Сказали нам, что завтра пишем по "Муму",
Зачем, признаюсь вам, я честно не пойму.
Я знаю лишь одно – собачку утопили,
Зачем мы эту «жесть» в программе проходили?

Мне бесконечно жаль ту бедную Муму,
Герасим – живодёр. Его бы я в тюрьму.
Отправил значит, за такое обращение,
А нам писать про «это» сочиненье.

Что там писать? Признаюсь, не пойму,
Ведь знают все, кто утопил Муму.
Известно всем, что утопил Тургенев,
Ведь написал «Муму» сей славный, добрый гений.

Зачем же он Муму в рассказе утопил?
Никак я не пойму. Ведь он собак любил.
А может не любил? Да кто его поймёт,
А классиком, меж тем, давно у нас слывёт.

А нам теперь про то приходится писать,
За бедного Муму оценки получать.
Вот если б, братцы, я Тургеневым побыл,
То бедного Муму я точно б не топил.

Уж если нужно там кого-то утопить,
Я б барыню, друзья, за что её любить?
Её бы я друзья, бесспорно б утопил,
Жаль, не Тургенев я, Муму бы пощадил.....

Стихотворение, несмотря на кажущуюся простоту и юмористическую подачу, обладает значительной художественной ценностью благодаря нескольким ключевым аспектам.

Ценность в актуальности и узнаваемости: Оно говорит о вечной проблеме школьного формализма и разрыве между классикой и современным восприятием.

Ценность в мастерстве сатиры: Гипербола, циничный юмор, алогичный довод – инструменты сатиры здесь отточены идеально.

Ценность в искренности эмоций: Сила сочувствия к Муму и негодования перед жестокостью делают стих живым и цепляющим.

Ценность в техническом совершенстве: четкий ритм, живая разговорная лексика, благозвучие – стих безупречен технически.

Ценность в скрытой глубине: за смешными строками скрывается серьезная критика формального подхода к искусству и вопрос о природе справедливости и сострадания.

Это не просто «шутка про сочинение». Это остросоциальная, пронзительная и очень умная сатира на школьное изучение литературы, написанная блестящим поэтическим языком.

Оно ценно своей способностью выразить сложную эмоциональную реакцию подростка на классику, превратив ее в запоминающееся, смешное и глубокое произведение искусства...

Кто верит в Банника ...

Кто верит в Банника,
А кто-то и в русалок.
Ведь верить в это,
Им никто не запретит.
В кикимору лесную верят,
Будто из-под палок.
Их нечисть привлекает,
Как магнит.

Кто верит в домового,
Кто в Бахуса.
Кто в лешего,
Поверить норовит.
Избавьте от такого,
Мя искуса.
Язычеством тут,
За версту разит...

Кто верит в Банника,
А кто-то и в русалок.
Ведь верить в это,
Им никто не запретит.
В кикимору лесную верят,
Будто из-под палок.
Их нечисть привлекает,
Как магнит...

Стихотворение – сплав фольклорной формы и современной тематики.

Оно поднимает вечную тему веры в потустороннее, в народные предания и языческих духов (Банник, Русалка, Кикимора, Домовой, Леший).

Это тема корней, культурной памяти и столкновения мировоззрений.

Структура (повторяющиеся строфы-куплеты, рифмовка, ритм) четко отсылает к народной песне или частушке. Это придает тексту аутентичность, эпичность и легкость восприятия.

Использование архаичных или стилизованных слов (“нечисть”, “искуса”, “разит”, “норовит”) и просторечных (“из-под палок”) создает нужную атмосферу старинных преданий. При этом язык остается современным и понятным.

“Верят, будто из-под палок” – ёмкий образ, передающий суеверность, незнание и бытовую “магию” (отсылка к тому, что кикимору вспоминали при колке дров).

“Их нечисть привлекает, как магнит” – метафора, соединяющая древнее понятие с физической закономерностью. Она хорошо запоминается и объясняет суть явления.

“Язычеством тут за версту разит” – гипербола, передающая степень воздействия и несоответствия современному миру.

Финальные строфы придают стихотворению глубину, поднимая вопрос о границе между верой, суевериями и современным рациональным мышлением. Ощущается личное переживание автора (“мя искуса”).

Это не просто перечисление персонажей, а художественное размышление о природе веры и её месте в современной жизни.

Свидание вслепую ... (Вербальная инсталляция)

Пришла, открыл, впустил, закрыл,
Шутил, рассказывал, показывал, смешил.
Читал, размахивал, покашливал, грустил,
Пофилософствовал, смутился, позабыл.

Готовил, фонтанировал, спешил,
Проветривал, смотрел, радел, застыл.
Задумался, дотронулся, спросил,
Манкировал, интриговал, польстил.

Достал, зарделся, засмутился, оценил,
Раздухарился, покраснел, накрыл, налил.
Поцеловал, развеселился, приуныл,
Замялся, заигрался, упустил.

Смутился, заикался, проводил,
Задумался, отвлёкся, загрустил.
Листал, читал, покашливал, спешил,
Решился, торопился, позвонил... ..

Это стихотворение представляет собой интересный и оригинальный эксперимент в форме вербальной инсталляции.

Стихотворение построено исключительно на цепочках глаголов без существительных, прилагательных и явных сюжетных связей.

Это создает эффект кинематографического монтажа или “потока сознания” в динамике.

Чередование односложных (“открыл”, “впустил”) и многосложных глаголов (“фонтанировал”, “интриговал”) создает ритмический рисунок, похожий на ударные инструменты.

Повторы звуко сочетаний (“покашливал, спешил”, “задумался, отвлёкся”) усиливают музыкальность.

Рифмы, размер и сюжетная линия сознательно подавлены. Фокус смещен на динамику действия.

Динамика и кинематографичность: цепочки глаголов (“раздухарился, покраснел, накрыл, налил”, “листал, читал, покашливал, спешил”) имитируют быструю смену кадров в кино. Читатель сам конструирует образ героя через его действия.

Лирический герой представлен не как личность, а как набор функций.

Это создает эффект анонимности и универсальности, как в дзенских коанах.

Композиционные решения – симметрия и асимметрия:

Симметрия: Троичные группы глаголов в строфах (3 глагола; 4 глагола; 4 глагола) создают ощущение цикличности.

Асимметрия: Последняя строка (“Решился... позвонил...”) обрывается, нарушая баланс.

Это стратегический прием: финал открыт, как незавершенное действие.

Эволюция темпа: Стабильный ритм первых строф сменяется нарастающей тревогой в финале (“торопился, позвонил...”).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.